СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Моск. комсомолец — 1999 — 10 июля — с. 2.

ГОВОРУХИН-БЛЮЗ

"Я вообще с женщинами не сплю"

Станислав Сергеевич однажды на "Кинотавре" пригласил меня танцевать. А у меня во время танца расстегнулась цепочка на шее. Я попросила: "Станислав Сергеевич, застегните, пожалуйста". А он говорит: "Ой, ты знаешь, я в технике ничего не понимаю". Я сейчас напомнила ему этот случай. Он рассмеялся, говорит: "Я действительно технику не люблю. Прогресс – это, наверное, хорошо, но одновременно и очень неприятно. Конечно, удобно: сел в самолет – и через полтора часа ты на Кавказе. Но в том, чтобы собраться на Кавказ, три месяца ехать в Пятигорск, потом лечиться, потом все общество переезжало в Кисловодск, и там уже отдыхало, и там заканчивались романы, начатые у подножья Машука, – в этом же и была прелесть..."

АРХИВ "МК"

Что же, вы и руками ничего делать не можете, раз совсем с техникой не в ладах?

– Ну почему: писать могу, рисовать, дрова рубить. Могу поставить палатку в любых условиях. Люблю готовить плов на костре.

– То есть экранизация "Робинзона Крузо" для вас не прошла даром? На необитаемом острове вы бы не пропали?

– Нет. *(Смеется.)* Это у меня было любимое произведение в детстве. У Руссо в "Исповеди" есть такие строчки о двух важнейших книгах: "Первая книга – это Библия, а вторая – "Робинзон Крузо". И пока у человечества не испортился вкус, эта книга будет самым великим произведением, которое оно создало". Я вообще всегда мечтал экранизировать те произведения, которые меня особо поразили в детстве. И у меня был "День ангела" по рассказу Бориса Житкова, потом "Робинзон Крузо", "Приключения Тома Сойера", "Дети капитана Гранта"... Я помню – в первом классе, что ли, – я лежал все зимние каникулы на лавке и читал этот огромный роман со светла до темна. По сто страниц в день.

– А за последние годы что-то вас поразило?

– За последнее десятилетие единственное произведение, которое меня поразило в отечественной литературе, – это "Август сорок четвертого" Богомолова. Я его читал раз семь. Хотел экранизировать. И по-всякому брался за него, но понял, что сделать эквивалент роману невозможно.

– Какая же сейчас у вас задумка?

– В "Новом мире" в конце 60-х–начале 70-х появилась такая писательница И.Грекова. Замечательные были повести: "Кафедра", "Дамский мастер" – ими все зачитывались. И вот спустя 30 лет я выяснил, что И.Грекова – это математическая шутка. За ней скрывается доктор наук, автор учебника по кибернетике, профессор, и я нашел у нее потрясающую повесть "Хозяйка гостиницы", из которой можно сделать хороший фильм. Но сложность в том, что героиню и ее подруг мы наблюдаем с 18-летнего возраста до 60-летнего. Ну как это снимать? Хотя можно, конечно... Потом, надо в сценарии кое-что переиначить, кого-то в соавторы взять.

– Зачем?

– Да лень мне самому писать. Я уже отвык работать.

– Вам не жалко, что творчество вы променяли на общественную деятельность?

– Но работа, которой я занимаюсь, тоже называется творчеством – законотворчеством. И она действительно творческая. Я уж не говорю о том, что и сама политика – это режиссура. Что такое предвыборная кампания, как не спектакль? Кто лучше поставит, тот соберет больше публики.

– Но это же все уйдет – а фильмы останутся, а рукописи не горят...

– Это неизвестно, что там останется. Вот, например, благодаря мне был принят Закон о государственной поддержке кинематографии. Может, я этим больше пользы принес кинематографу, чем своими фильмами.

– Насколько сильны ваши политические амбиции?

– Как у всех. Плох тот солдат, который не мечтает быть генералом. Конечно, я хотел бы быть президентом. А кто бы не хотел? Но я-то прекрасно знаю, что я свой шанс упустил. Надо было раньше начинать и готовиться к этому. Вести определенный образ жизни, четко поставить цель и следовать ей. И тогда, я думаю, можно было бы без труда этого добиться. Но поскольку я пропустил момент, теперь для меня главное – притащить президента, который бы меня устраивал, а значит – и страну. Потому что каждый же думает, что он умнее остальных...

– Кого бы вы притащили?

– Ну, из имеющегося набора – Лужкова. Новый же кандидат не родится?.. Так что я возвращаюсь к вопросу: это тоже творчество. Интересно и то и другое. Мне бы хотелось и птичку съесть, и... кино снимать. Ну, вот видишь, у меня получилась легкая картина – "Ворошиловский стрелок". Я мог снять ее в парламентские каникулы и почти не участвовал в процессе. А вот если я сейчас задумаю такую картину, как "Хозяйка гостиницы", то мне нужно будет делать буквально все самому, потому что она суперсложная в художественном плане. А сейчас выборы – в парламент, в президенты...

Если бы существовало кино, я бы бросил все. Но даже на эту картину – где я найду деньги? Есть какие-то предложения, но, как правило, они все рассасываются потом.

– Вы сейчас довольны собой?

– Никогда я собой не был доволен. Я всю жизнь говорил: "Какой я дурак! Сколько времени я зря потратил, как много я упустил, как плохо я учился!" Если бы я начал жизнь сначала, я начал бы учиться. Надо было учиться в детстве живописи, музыке, языкам... А я даже специальности не учился. Закончил геологический факультет университета, а опомнился только на пятом курсе. Понял, что, во-первых, ничего не знаю, а во-вторых, что это совершенно не моя профессия. Нет там никакой романтики, ради чего я туда пошел, ничего я там не добьюсь и не сделаю. Но я и во ВГИКе не учился! Вот в чем дело!

– Что же вы не наверстали упущенное за жизнь?

– Нет, я все время как бы самообразовывался немножко – и в области музыки, и живописи, и даже в языках. Я очень много времени потратил на французский язык – и знал его прилично, читал романы. Я никогда не учил английский язык из принципиальных соображений – потому что все учат английский, а я буду французский! – и надо же такому случиться, что мне никогда в жизни не понадобился французский язык, мне всегда нужен был английский... И в итоге я его забывал-забывал – и, можно сказать, забыл совсем. Потраченное даром время...

– А внешне вы собой довольны?

– Вот это уж вообще никогда. Был какой-то период в университете, когда я себе вроде как нравился. Ну, потому что девочки убеждали меня в этом. А потом я начал лысеть, живот теперь появился...

– Ну так делайте что-нибудь, чтобы его не было!

– Да ну его на фиг. Неохота. Как Оскар Уайльд говорил: "Я готов на все, чтобы оставаться молодым, только не делать гимнастику и не соблюдать диету". У меня все время ощущение, что я провожу эксперимент над собой. Я все удивляюсь, как меня не хватил инсульт или не разбил инфаркт. Потому что курю я если не трубку, то три пачки сигарет в день, выпиваю пять-шесть чашек кофе и десять стаканов чаю. Начинаю употреблять спиртное с 12 часов дня, понемножку, правда, но весь день, а вечером иногда и прилично. Думаю: как же так можно издеваться над организмом и сколько это может продолжаться?

– Не бегаете и в бассейн не ходите, никаким спортом не занимаетесь?

– Только шахматы и бильярд. Вот этим я занимаюсь много. В шахматы мы "чешем" все время. У меня партнеры – от чемпиона мира Карпова до моего аппарата или депутатов. У нас есть классные шахматисты. Иваненко, зам. председателя "Яблока", – это очень сильный мастер спорта. Председатель бюджетного комитета Жуков – прекрасный шахматист. Андрей Макаров – международный мастер по шахматам. И любой перерывчик – мы сразу садимся.

– А в бильярд на деньги играете?

– Мы играем с Рудинштейном на уху. В Доме кино, в ресторане делают потрясающую уху. И тот, кто проигрывает, оплачивает ужин. Как правило, Рудинштейн. Причем он играет не хуже меня, а может быть, даже лучше. Но есть "неудобные" партнеры. Мне он проигрывает почти всегда.

С Зюгановым я играю очень часто. Два года назад он еще не очень хорошо играл – знаешь, как в Домах офицеров. Не очень много думал, куда шар пойдет. А сейчас он прилично научился. С Шуриком Ширвиндтом играем, с Якубовичем. ...А в бильярд обычно играют только на деньги. Как у меня в фильме Копченый говорит Жеглову: "Только пацаны на шелобаны играют". Правда, с Зюгановым мы играем на "так"...

– Насколько для вас важен комфорт, быт?

– Это я обожаю. Меня раздражают советские гостиницы, когда нет горячей воды, когда даже в люксах телефон в одной комнате, а спальня – в другой. Мне очень важно в еде, чтобы все было красиво подано и хорошо приготовлено. Я никогда не ем ничего полезного – я ем только вкусное.

– Ваша жена хорошо готовит?

– Ой, потрясающе!

– Вы по этому параметру ее выбирали?

– Нет, я, можно сказать, ее сам воспитал. Ей было 17 лет, когда мы поженились. А мне – 30. Она у меня была монтажером на "Вертикали".

– Какие женщины вам нравятся, Станислав Сергеевич?

– Мне нравятся блондинки, брюнетки и рыженькие, высокие и маленькие, толстые и худые. Так же, как – спроси меня: кто мне нравится из писателей? Разве можно ответить на этот вопрос? Или из композиторов?..

– А какие напитки вы предпочитаете?

– Я ведь депутат от кавказских Минвод. Но что смешно – я никогда не пил минеральных вод. Не люблю ни кислых, ни соленых напитков, не пью то, что с пузырьками. Я люблю родниковую воду. А из алкоголя – виски или водку.

– По какой же причине вы выдвинулись именно от Минвод?

– Предложили – я пошел; потом, я там начинал свою первую картину, снимал там много. Это как бы моя творческая родина. Родился на Урале, детство прошло на Волге, работал в Одессе, живу в Москве. Ну где моя малая родина?..

– Какое у вас самое яркое воспоминание детства?

– ...Раннее утро, я встаю и ловлю мух, великое множество, в спичечный коробок. Затем мы бежим с удочками с приятелем с высочайшего обрыва к реке. Прибегаем – сразу снимаем трусишки, купаемся. Потом, днем, когда клева уже нет, мы плывем на середину реки – Волги. Идут плоты сверху. Плотогоны: костер горит – они готовят уху. Мы залезаем на плот – они нас ухой угощают, потом говорят: "Пацаны, давайте в воду, все!" Потому что с огромной скоростью течет река. И вот мы ныряем, плывем на берег, и весь оставшийся день – часа четыре, наверное, – по острым камням босиком добираемся до того места, где остались наши трусишки.

Потом вечерний клев, потом я поднимаюсь в эту бесконечную гору, которая никогда не кончится. Вот эти минуты я прекрасно помню: одно дело сбежать вниз, а другое – вечером, уставший, поднимаешься вверх, оглянешься – Волга, вот она, рядом. Что же ты прошел?.. И идешь, и идешь, и идешь. Дальше, я помню, мать мне ставит ноги в таз с водой, и я уже не в состоянии шевельнуться.

– А самое сильное разочарование?

– Я закончил десять классов и не знал куда поступать. Никаких склонностей у меня не было. Ну, конечно, кроме страсти к путешествиям. И главным, решающим в выборе профессии было другое. В те времена народ бедно одевался – 53-й год; хотя у меня мать портниха, она перешивала мне из военных кителей рубашки, – а студенты геологических факультетов и горных институтов носили форму. Это был черный шевиотовый костюм, двубортный пиджак с золотыми пуговицами, белая рубашка, черный галстук и такой квадратный бархатный черный погон, на котором красовался вензель университета. Какая красота!

И я поступил в университет. В ателье – очередь. Вот-вот мне сошьют костюм – и вдруг форму отменяют... Никогда больше я так не расстраивался. Ни по какому поводу.

– Вы помните свою первую любовь?

– Это была воспитательница в детском саду. Я в нее влюблен был по-настоящему. Спустя лет сорок я как-то обратил внимание на фотографию. Я никогда к ней не присматривался. И вдруг смотрю – она же просто необычайной красоты: такая Тамара Макарова в молодости.

Мама брала меня с собой в женскую баню. Отца-то не было. Он был донской казак, и его уничтожили еще в 37-м году, сразу после моего рождения. И вот в бане мы встречаемся с моей любовью. Я помню эту ситуацию, когда мама стоит разговаривает с моей воспитательницей. А та чувствует, что ребенок-то уже вырос – на будущий год в школу идти. И она стоит, закрытая тазом. Мне ужасно за таз хотелось заглянуть. Я почувствовал, как она почувствовала неловкость.

– Вы могли бы себя бабником назвать?

– Нет, я вообще с женщинами не сплю... *(Усмехнулся.)* Только с женой. У меня бывают случаи, когда я прихожу под утро – она спрашивает: где был? Я говорю: у бабы. Она говорит: понятно, опять в бильярд играл...

– Вы, значит, безгрешны?

– Грешен, как и все. Мне позавчера Никита Михалков в самолете сказал такую замечательную фразу: "Никогда не проси у Господа справедливости – если бы он был справедлив, он бы давно тебя наказал". Потому что все мы грешны.

– У вас есть любимый афоризм?

– Если дело касается моего творчества, то я руководствуюсь девизом Вольтера: "Все жанры хороши, кроме скучного". А по жизни – "Бог не выдаст, свинья не съест". Все ходим под Господом. И ничего не надо бояться. Все в его руках.

– Почему тогда в вашем фильме "Ворошиловский стрелок" герой сам вершит чужие судьбы, не надеясь на Бога?

– Не думал об этом... Но ведь все равно все делается руками Божьими. Значит, Господь его надоумил. Вот мое любимое место в литературе: "Когда я умру, никто не знает", – сказал буфетчик. Коровьев из другой комнаты сказал: "О, тоже мне бином Ньютона! Вы умрете 26 июля 38-го года от рака печени во Второй клинике МГУ". Я абсолютный фаталист. Поэтому я совершенно не боюсь смерти.

– Чего же вы боитесь?

– Боюсь оказаться немощным, жалким. Этого все боятся...

– Вы соблюдаете божьи заповеди, можете ли назвать себя добрым человеком?

– Да, я очень добрый и совершенно не такой, каким меня представляют средства информации. Я абсолютно не мрачен. Люди, которые со мной работали в кино, могут сказать, что атмосфера у нас на съемках – ну самая смешная. Мы все время хохочем. Я ужасно не люблю унылых людей изображение работы, творческого процесса. Процесс должен доставлять наслаждение всем. И у нас в Думе, в комитете, – такая же обстановка. Все должны шутить, смеяться.

– Где же комедии?!

– Я снял две комедии. Вторую серию "Места встречи изменить нельзя" и "Ворошиловского стрелка"! Действительно, мне всегда хотелось снять не комедию, а смешной фильм... "Осенний марафон", скажем, смешной фильм? Или "Не горюй" Данелии? Вот такой бы снять.

– Мне показалось, что вы очень самоуверены. По крайней мере, вы так себя ведете.

– Только дураки самоуверены – умные полны сомнений. А поведение – это защитная реакция от придурков.

– Вы придаете какое-нибудь значение тому, как вы выглядите, как одеты?

– Конечно. Как писал Сальвадор Дали: "Мода – это то, что очень быстро выходит из моды". Так что я совершенно человек немодный и считаю, что люди, которые одеваются по моде, не имеют собственного вкуса. Потому что они одеваются как все. Ну как можно говорить: "Я одеваюсь только у Ферре" (я не знаю ни одной фирмы)? А если он педераст? Как можно носить его пиджак?..

Вот смотри: мужчина должен с собой носить огромное количество предметов. (Я уж не говорю про курящего или курящего трубку: он должен носить две трубки, чистилку, зажигалку, табак.) У него бумажник, ключи от машины, квартиры, гаража. У него удостоверение (одно или два), деньги, расческа, ручка, записная книжка, платок – я вину не перечислишь... Посмотри, что делают эти педерасты, законодатели мод, с мужскими пиджаками! В мужском классическом пиджаке должно быть 12 карманов. Они вообще не делают ни одного!..

Человек должен носить то, что ему идет, что подчеркивает достоинства его фигуры и скрывает недостатки. Поэтому тут я сам себе законодатель. Я очень большое значение обращаю на обувь, потому что с детства запомнил, что главное у мужчины – чистые носки и обувь.

– Вы ощущаете возраст?

– В том-то весь и ужас, что не ощущаю. А в такой ситуации человек может быть неадекватен. Если он начнет, к примеру, "клеить" 17-летних девочек на пляже, он будет смешон и неприятен. Я не про себя говорю, учти.

– Завидуете кому-нибудь?

– Завидую людям, которые могут сесть за рояль и сбацать какой-нибудь блюз, которые свободно "чешут" на иностранном языке, – я завидую тому, чего не могу. Когда я вижу фильм, скажем, "Левшу" Овчарова, – я завидую, потому что я так не могу. Но никогда не завидовал режиссерам, порхающим с фестиваля на фестиваль. Потом они выходят где-нибудь в Калуге к зрителям, и их представляют: выдающийся, лауреат... А все говорят: а чего он снял-то?.. У меня этого нет. Но никто не спрашивает, чего я снял. Хотя у меня нет никаких званий, орденов и прочих государственных наград. Но я – действительно народный артист и признан только народом.

– В вашей последней картине дед за внучку готов жизнь отдать. Вы согласны с тем, что внуков любят больше, чем детей, потому что дети, как правило, неудачные?

– Согласен, хотя у меня удачный сын... Будем считать... Он кончил 10 классов и пошел на журналистику, через три месяца ушел оттуда, стал сантехником и мечтал только об армии. Потом всю жизнь работал строителем – и сейчас тоже. Закончил заочно сценарный факультет ВГИКа, написал книжку. Хорошие рассказы... И вдруг ему захотелось снимать фильм о войне. Года три он его снимал. И раньше ему доставалось немножко славы отца, а теперь он получил "Нику" за лучший документальный фильм.

– Вы давали ему какие-то советы?

– Я ему пытался говорить, что нельзя документальный фильм делать таким длинным. Он меня послал, и все. Правда, потом сократил, сказал: "Ты думаешь, мне нравятся твои картины?" Я говорю: "Я никогда так не думал. Мне один хрен – нравится тебе или нет. У меня есть свои поклонники".

– То есть вы не дружите и с внуками особо не возитесь?

– Нет, у меня времени нет.

Коллеги его не любят, критики слова доброго не скажут. Он им платит той же монетой. Кривить душой не умеет – говорит прямо, что думает. Из Союза кинематографистов вышел в свое время со скандалом, и даже в "Кинословаре" ему отведено очень скромное место. Родился тогда-то, закончил то-то, фильмы: "День ангела", "Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо", "Ветер надежд", "Приключения Тома Сойера"... Совсем не то, за что он особо любим народом. Никаких подробностей о "Месте встречи", о фильме "Десять негритят" – кстати, его любимом. О том, что он ввел в обиход несколько выражений, ставших крылатыми. Замечали, как часто, например, в газетах попадаются заголовки: "Россия, которую мы потеряли", "Великая криминальная революция", как часто сами мы произносим "Так жить нельзя"?..

И ни одной премии от государства, ни тебе звания заслуженного, ни тем более народного. Он говорит: "Ну и что? А у Высоцкого, думаешь, было?.." Жизнь распахивает перед ним свои объятия. Так много его интересует, так много он еще не знает... В душе по-прежнему романтик, он идет по жизни с гордо поднятой головой. За это его, наверное, и не любят.

Наташа ЖУРАВЛЕВА.

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ

"Трудно передать, как много значил для меня Высоцкий. День 25 июля 1980 года черной чертой разделил жизнь на две неравные части: до и после".